

УДК 821.161.1
ББК 83.3(4Фра=Рус)6

«НЕУЗНАННОЙ ЕЩЕ ВЕРНУСЬ Я К ВАМ»:
СУДЬБА ПОЭЗИИ МАТЕРИ МАРИИ В
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ
И ВО ФРАНЦИИ

© 2018 г. Т. Викторова

*Страсбургский университет,
Страсбург, Франция*

Дата поступления статьи: 06 июля 2017 г.

Дата публикации: 25 июня 2018 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229

Аннотация: В статье рассматривается история рецепции поэзии матери Марии в советской, постсоветской России, во Франции и Великобритании, анализируется мифологизация ее образа и его «ипостаси» в русской и зарубежной культуре в контексте житнетворческой направленности личности матери Марии. Выделяется несколько периодов в восприятии образа матери Марии (1965, 1989, 2000-е гг.), анализируются наиболее значительные, повлиявшие на восприятие поколений «портреты» матери Марии-поэта, прослеживается изменение исследовательских подходов в изучении творчества матери Марии.

Ключевые слова: мать Мария (Е. Кузьмина-Караваева; Скобцова), рецепция, мифологизация, житнетворчество, русский европеец, Богочеловечество, софиология.

Информация об авторе: Татьяна Викторова — доктор филологических наук, доцент Института сравнительной литературы, Страсбургский университет, 22, rue René Descartes, BP 80010, 67084, Starsbourg CEDEX, France.

E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

Для цитирования: Викторова Т. «Неузнанной еще вернусь я к вам»: судьба поэзии матери Марии в постсоветской России и во Франции // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 2. С. 196–229. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

“I WILL RETURN / COME BACK TO YOU UNRECOGNIZED”: THE FATE OF POETRY OF MOTHER MARIA IN POST-SOVIET RUSSIA AND IN FRANCE

© 2018. T. Victoroff
*University of Strasbourg,
Strasbourg, France*
Received: July 06, 2017
Date of publication: June 25, 2018

Abstract: The article examines the history of the reception of mother Maria’s poetry in Soviet and post-Soviet Russia, in France and in Great Britain. It analyses how her image and “hypostasis” became mythologized in Russian and foreign cultures in the context of mother Maria’s personality and her life-creating orientation. The author distinguishes several periods in the perception of mother Maria’s image (1965, 1989, the 2000s), analyzes the most important “portraits” of mother Maria the poet those that influenced generations; traces the changes in researchers’ approaches to the study of her work.

Keywords: Mother Maria (E. Kuzmina-Karavaeva; Skobtzova), reception, mythologization, “oeuvre - vie”, a Russian European, Godmanhood, sophiology.

Information about the author: Tatiana Victoroff, PhD, Maitre de conférences en littérature comparée, Université de Strasbourg 22, rue René Descartes, BP 80010, 67084, Starsbourg CEDEX, France.

E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

For citation: Victoroff T. “I will return / come back to you unrecognized”: the fate of poetry of Mother Maria in post soviet Russia and in France. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 2, pp. 196–229. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-196-229

Я силу много раз еще утрачу;
Я вновь умру, и я воскресну вновь;
Переживу потерю, неудачу
Рождение, смерть, любовь. <...>

Но знаю, — будет долгая разлука;
Неузнанной вернусь еще я к вам.
Так, верю: не услышите вы стука,
И не поверите словам.

Но будет час: когда? — еще не знаю
И я приду, чтоб дать живым ответ,
Чтоб вновь вам указать дорогу к раю,
Сказать, что боли нет [6, с. 65].

Эти строки написаны двадцатипятилетней русской поэтессой Е. Кузьминой-Караваевой в 1916 г. в книге «Руфь», изданной во время войны в предреволюционном Петрограде. Ощущая свое «избранничество» в апокалиптических сгущающихся сумерках, лирическая героиня, быть может, впервые обращает свой песенный дар во «спасение гибнущему брату» [6, с. 53]. Переживя первые личные потери (смерть отца в 1906 г., после которой поняла «что Бога нет»; неудачный брак с Д. Кузьминым-Караваевым, «потерю» Блока, к которому в «Руфи» обращено одно из стихотворений¹),

1 «Смотрю на высокие стекла / а постучаться нельзя» [6, с. 60].

через три года она действительно почти «умирает», будучи осужденной военно-окружным судом за «сотрудничество с большевиками» в период управления г. Анапой, но чудом «воскресает», вновь узнает «любовь» и эмигрирует из России с Д.Е. Скобцовым, председателем Кубанской краевой рады, присутствовавшим на суде. Эти строки могли быть написаны в годы эмигрантских лишений, смерти двух дочерей, заставивших ее познать «рождение в смерть», между которыми — новое таинственное перерождение, монашеский постриг под именем матери Марии, с необычным призванием остаться в миру, слиться с его болью, где все «говорит, что я мать», как она пишет в новых стихах [10, с. 43]. Прочитанные строки из «Руфи», наконец, — точное предсказание трагедий середины 1930-х и 1940-х гг., глухого непонимания в эмигрантской среде, начала новой мировой войны и предательства одной из насельниц общегития, выдавшей мать Марию немецким властям за укрывание евреев. Депортация и изнурительные работы в концлагере Равенсбрюк приводят ее к мученической гибели, т. е., по ее словам, к «рождению в вечность», в канун освобождения заключенных Красным Крестом 31 марта 1945 г.

Среди этих многообразных превращений — имени (Пиленко, Кузьмина-Караваева, Скобцова, мать Мария), «новых рождений» (в «Цехе поэтов» с Гумилевым, в постриге, в «Православном Деле»), в заново открывшейся любви как «вселенском сострадательном плаче» [10, с. 45] — она «поэтом оставалась всегда», о чем свидетельствует ее окружение Серебряного века, соотечественники в изгнании, соизницы в концлагере. Первое стихотворение написано Лизой, по воспоминаниям ее матери, в возрасте пяти лет, последнее — в Равенсбрюке на французском языке. Поэзия была для нее сущностным средством выражения, обращающим ее письма к Блоку — в поэмы в прозе; путевые заметки во время разъездов по Франции — в импрессионистские рифмованные зарисовки (поэтический цикл «Русская география Франции»). Это и способ удержать в памяти яркое эстетическое впечатление: увиденная в Тулузе фреска Марселя Ленуара, поразившая необычным сюжетом (Богоматерь держит на руках Распятие), отливается в стихотворную форму и обращается в концлагере в вышивку-икону, выполненную во время переключек. Но, главное, с первых поэтических сборников до мистерий начала 1940-х гг., эти стихи — откровение, опыт мистериальной встречи.

Особый характер этой поэзии по-разному осознавался современниками. «Мне кажется, что Ваши стихи — не для печати», отмечает Блок в декабре 1913 г. в связи с появлением ее первого сборника «Скифские черепки» [8, с. 625]. «Чтоб понять мать Марию, читайте ее стихи, в стихах она вся», — советует мать Елизавета Медведева, продолжившая дело матери Марии во Франции в 1960-е гг., ее биографу о. Сергию Гаккелю. «Стихи ее, как и драматические произведения, очень значительны для характеристики не только ее собственной души, но и души нашей эпохи», — отмечает Н. Бердяев [1, с. 23]. «Я говорю лишь о судьбе своей, / Неведомой, ничтожной и незримой, / Но знаю я, — Бог отражался в ней», — свидетельствует, наконец, сама Мать Мария в итоговой поэме «Духов День» [11, с. 22].

Как эта многогранная поэзия прочитывается в постсоветской России, после «долгой разлуки» с «декадентской», «эмигрантской» и «религиозной» поэзией? Услышана ли она в своем стремлении «живущим дать ответ» во Франции, ставшей второй родиной поэта?

Между мифом и реальностью: новые образы матери Марии

История восприятия наследия матери Марии — история создания мифов, что само по себе показательное для осознания значительности ее облика и места в русской и зарубежной культуре. Мистическая влюбленность в Блока; легендарная история с анапскими пьяными матросами, обращенными в послушное стадо силой и убедительностью ее голоса; участие в подготовке покушения на Троцкого; таинственный ход процесса 1919 г., заменивший смертный приговор двумя неделями домашнего ареста; многочисленные истории спасенных эмигрантов и евреев, вплоть до последнего шага в газовую камеру — исключительный материал для романиста, вдохновивший уже современников матери Марии к созданию ее поэтических образов, окруженных таинственным ореолом (Н. Гумилев, Н. Оцуп) или же, напротив, занижающих их прототип (Елизавета Киевна в «Хождении по мукам» А. Толстого, отдающаяся Бессонову — Блоку из жалости; «героическая монахиня» Лиза Боголепова, читающая ахматовские стихи в «Пнине» Набокова).

То, что выглядит загадкой при жизни, еще более притягивает последующие поколения /45²; 54/³, в восприятии которых можно выделить несколько периодов, связанных с историческими изменениями, памятливыми датами или же вторжением духовной истории, по знакам которой мать Мария читала свою судьбу. Каждый раз речь идет о кардинальном переосмыслении ее наследия, полифоничность которого становится источником противоречивых интерпретаций.

1989: время перемен

Исключительным в этом смысле стал 1989 г. — время крушения советского строя и единовластия государства, ослабления идеологических границ, позволивших появление текстов, ранее недостижимых для русского читателя. С.Н. Кайдаш публикует в 5 номере журнала «Театр», сориентированного отныне на западную драматургию, мистерию матери Марии «Анна» /9/, написанную в 1939 г., изданную в Париже крохотным тиражом [II, с. 41–73] и доступную лишь в столичных библиотеках благодаря недавнему дару издательства ИМКа–Пресс. Публикация предварена вступительной статьей «Судьба и вера матери Марии» /48/, написанной в тональности, отличающейся от работ того же автора еще три года назад в «Науке и Религии» /47/, где судьба матери Марии рассказана в романтизированных и несколько патетических тонах, в целом свойственных публикациям о ней в советской прессе /36; 37; 38/, заостряющих «историю одной любви» (Е. Богат) /35/⁴, облик героини Сопrotивления /32; 46/⁵, облачившейся в церковные одежды для конспирации (роман Е. Микулиной 1983 г. /41/, послуживший основой для фильма С. Колосова), наконец, узницу Равенсбрюка, мечтающую о возвращении на родину, о которой рассказали освобожденные советские военнопленные /19/.

Новая статья — хотя и воспроизводит в начале жирным шрифтом известные штампы советского времени («героиня французского Сопrotив-

2 Здесь и далее через косую черту дается номер источника в Библиографии творчества матери Марии, которая приводится в конце статьи.

3 Смелые гипотезы об отце Гаяны и ее загадочной кончине в СССР и поныне волнуют умы исследователей, см., например: /107/.

4 Е. Богату принадлежит свыше десятка публикаций вокруг переписки Кузьминой-Караваевой с Блоком, см., в частности: /28/.

5 Серия публикаций о награждении Кузьминой-Караваевой орденом Отечественной войны (Известия. 1985. 8 мая. № 128 (21205)).

ления», «жила и боролась под монашеским именем»), существенно восполняет облик матери Марии («первая женщина, окончившая духовную академию») и дает более развернутое поле этой борьбы: она ведется за человека, за различие и очищение в нем божественного образа. Едва ли не впервые в России мать Мария названа «самым значительным религиозным поэтом после Владимира Соловьева», с яркими цитатами Бердяева, Мочульского из эмигрантских изданий, которые стали появляться на горизонте столичных читателей [5, с. 149]. Главным подтверждением становится публикация мистерии «Анна», давшая читателю возможность непосредственной встречи с матерью Марией: эта пьеса — «комментарий к собственной трагической и высокой судьбе», — отмечает публикатор [5, с. 150]. Вместе с тем в монахине Анне, покидающей монастырь, нет ничего героического — она движима чувством сострадания, которое заставляет ее переписать на себя дьявольский договор первого встречного «из жалости», стремления «спасти тебя, себя губя». Это кардинальное переосмысление фаустовского сюжета, в рамках жанра мистерии, неизвестного русской православной традиции, может навести читателя на размышления о диалоге автора с западной культурной традицией; стихотворная форма — указать на родство с ритмами блоковской «Песни судьбы». В целом возникает ощущение, подобное пастернаковскому в момент получения и чтения им стихов матери Марии в 1959 г.: «как оживаешь, когда какое-нибудь движение извне прибавляет тебе и твоему существованию силы и значительности, а не содействует своей пустотой твоему разрушению» [5, с. 148].

Это свидетельство Пастернака, процитированное в начале статьи С.Н. Кайдаш, задает ее основной тон, приглашая читателя к диалогу с автором, и, потенциально, к его новым открытиям, поскольку «мы и сейчас не знаем по настоящему ни подлинности, ни веса созданного ею» [5, с. 149]. Автор статьи приоткрывает и первоисточники: так, отправитель заветной тетрадки Пастернаку известен и С.Н. Кайдаш: сильные, взрывные стихи цитируются по «рукописному списку стихотворений матери Марии, любезно предоставленному автору» [5, с. 149]. Стихотворения из этого списка Б.В. Плюханова, хранителя эмигрантского архива матери Марии, лично знакомого с ней по встречам в Париже, начинают появляться в том же 1989 г. в рижском журнале «Даугава» [8], в академических «Ученых записках Тартуского университета», посвященных памяти Д.Е. Максимова /49/

(автора первой научной публикации «Встреч с Блоком» в 1968 г. /31/), наконец, в московском «Собеседнике» /10/, обращенном к широкому читателю. Предоставляя матери Марии самой рассказать об открывающемся ей «единстве мира» «из всех вещей, из всех событий», деликатный публикатор дает почувствовать в кратком комментарии особенности восприятия ее поэзии в эмигрантской среде. Речь идет о ее рождении как религиозного поэта, превращении автора «Скифских черепков» в «Парижские», по характеристике Бахраха /39, с. 123/; Кузьминой-Караваевой (опубликовавшей свои стихи в 39 томе «Современных Записок» в 1929 г. /2/) — в мать Марию, свидетельствующую о смерти дочери в пронзительных поэтических строках, появившихся в тех же «Современных Записках» семь лет спустя /3/. Новое имя, новые стихи вместе с тем позволяют узнать в строках, написанных в бездне отчаяния, автора «Руфи», которому вновь дается «сила непосильная». В этом же номере она публикует воспоминания о встречах с Блоком — новое свидетельство ее необычайного дара самоотдачи, впрочем, шокировавшее определенные круги русской эмиграции, как можно проследить по воспоминаниям В.С. Яновского /58/. Б.В. Плеханов свидетельствует, со своей стороны, о трудностях этого непрерывного поэтического служения — спора о «праве и монахам писать стихи» ведутся и с близкими друзьями, в том числе с Бердяевым, которому она надписывает эти слова в качестве посвящения на книге стихов 1937 г., выпущенной в Берлине. Эта книга являет подлинного религиозного поэта, стихи которого — «исповедь и молитва, почти на каждой странице — обращение к Богу, торжественное и страшное “Ты”. И словесная ткань стихов так крепка и чиста, что строка не разламывается под тяжестью имени, перед которым трепещут серафимы» [13, с. 87]. В этой характеристике матери Марии, данной литературоведом К.В. Мочульским, соратником и другом, — сущностное прочтение ее поэтического наследия, о котором в эмиграции в разное время писали поэты, философы и богословы (Ю. Терапиано, Г. Раевский, Г. Адамович, В. Зеньковский, Г. Федотов), голоса которых составляют фон этой скромной публикации.

В этот эмигрантский хор вливаются поэты, оставшиеся в России, но до середины 80-х гг. также недостижимые для советского читателя: специальный номер «Звезды» за 1989 (№ 6) посвящен воспоминаниям Анны Ахматовой, переданным, в частности, Михаилом Бутырко [50], беседовавшим

с ней в 1962 г. на даче в Комарово. Кузьмина-Караваева, некогда соседка по слепневскому имению, появляется в них в связи с кратким комментарием фотографии на стене: «католическая святая, она тронулась на религии» [2, с. 73]. Однако в тех же воспоминаниях, несколько эпизодов спустя, Анна Андреевна возмущается «клеветническим образом Елизаветы Киевны» в «Хождении по мукам» А. Толстого: «...это Елизавета Кузьмина-Караваева, человек необычайных душевных достоинств (католическая святая)» [2, с. 78]. Идет ли речь об ахматовском субъективизме (в словах именитой собеседницы публикатор отмечает «не всегда постоянную оценку и интерпретацию фактов прошлого»), или же противоречив сам образ Кузьминой-Караваевой, как подчеркивает отныне всякий, касающийся ее наследия, — Ахматова оказывается здесь у истоков нового мифа, многократно повторенного, смешивающего две трагические кончины в Равенсбрюк — католической и православной монахинь, обе по имени Елизавета⁶. «Святая», явленная в уничижительном облики, — возможно, негодующий ответ на процитированную матерью Марией в ее воспоминаниях реплику Блока об ахматовских стихах: «Она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом» [8, с. 82]⁷. «Католическая» — возможно, отголосок негативного отношения к эмигрантам, которое, впрочем, тоже менялось⁸, подобно ее интонации женской солидарности в защите от пасквиля Толстого. Эта тональность возвращается в беседах с Никитой Струве в Париже, опубликованных в том же номере «Звезды»⁹, и роднит двух поэтесс Серебряного века как родоначальниц «женской поэзии». Именно в этом русле прочитывается наследие матери Марии В.В. Ученовой, публикующей в сборнике «Царицы муз: русские поэтессы XIX–XX вв.» (М., 1989) статью с не менее красноречивым названием «Вы вспомните меня!...» /52/.

6 Смерть католической монахини Елизаветы (в миру — Elise Rivet) также зафиксирована в Страстную Пятницу 31 марта 1945 г. См.: /56, с. 266/.

7 Эхо этого недовольства можно проследить по письму Д.Е. Максимова, который готовя к публикации воспоминания Кузьминой-Караваевой о Блоке, предлагает Ахматовой «вычеркнуть то, что она пишет о Вас», «так будет лучше» [18, с. 702].

8 См. об этой эволюции: /105/.

9 Речь на этот раз идет о Гаяне, дочери матери Марии, «которую Толстой соблазнил вернуться, она должна была от него выехать и через несколько дней умерла в больнице якобы от тифа, но ведь от тифа так быстро не умирают... Алексей Толстой был на все способен» [2, с. 20]. Лаконичность этого высказывания породила великое множество толкований этой смерти, от неудачно сделанного аборта до расстрела по делу Эфрона. Дочь здесь «отвечает за мать», перифразируя известные строки поэмы Твардовского.

парафразируя одно из писем Блоку. С.Н. Кайдаш позднее посвящает матери Марии главу в книге «Великие женщины России» (М., 2001) /89/. Исследовательницы, впрочем, продолжают традицию, сложившуюся уже в среде поэтов Серебряного века — С. Городецкий анализирует «Скифские черепки» в статье «Женское рукоделие»; Н. Львова с 1914 г. различает голоса Ахматовой и Кузьминой-Караваевой в квартете пророческих женских голосов, «способных крикнуть — всем ждущим рассвета: Холод утра — это мы!» [7, с. 159–160, 165]. Это родство вместе с тем позволяет предположить более глубокие корни, учитывая ироничное отношение обеих поэтесс к самому феномену «женской» поэзии: Ахматова указывает, например, на «присутствие» Кузьминой-Караваевой в подтекстах «Поэмы без героя»: «...там “Башня” Вячеслава Иванова, будущая *bienheureuse* Marie Лиза Караваева читает “Скифские черепки”»¹⁰ [17, с. 25].

Эти новые штрихи к поэтическому облику матери Марии — религиозный поэт и мыслитель, автор мистерий, «католическая святая», представительница женской поэзии — возвращаются, чтобы, однако, сложиться в совсем иной образ в биографическом очерке, написанном в этом же году француженкой Элизабет Бер-Сижель (Elisabeth Behr-Sigel) для «Православного вестника» /53/. Этот очерк навеян, главным образом, воспоминаниями отца Льва Жилле, католика, принявшего православие и ставшего священником Лурмельской церкви и «другом матери Марии», как называет его Элизабет в своей биографической книге о нем. Будучи из протестантской семьи, Элизабет проходит близкий путь обращения в православного мыслителя вследствие общения с Павлом Евдокимовым и Владимиром Лосским. Встреча с матерью Марией в Страсбурге в середине 1930-х, — один из этапов этого обращения, и их пути пересекаются вплоть до 1940-х гг., когда мать Мария спасает одну из ее близких подруг. Однако они идут параллельно и много раньше: получив богословское образование, одна в Петербургской духовной академии, другая на протестантском факультете Страсбургского университета, обе Елизаветы находят его жизненное воплощение в «таинстве брата» — близком видении *каждого* человека как живой иконы Бога в мире. Это объясняет глубинное проникновение в опыт матери Марии,

¹⁰ Очевидно, имеется в виду стихотворение Кузьминой-Караваевой «Смотрю, смотрю с одинокой башни» из «Скифских черепков» и их созвучие со вступлением к «Поэме без героя»: «Из года сорокового / как с башни, на все гляжу».

прочтенный через ее стихи. Статья начинается словом «поэт» и заканчивается стихотворением «Два треугольника, звезда...», известным в оккупированном Париже /53/. Это позволяет увидеть «крестный путь священного костра» [10, с. 56] во внешне разноплановых событиях: костер, «зажженный сестрами» [10, с. 55], оказывается связанным с тем «концом огнепальным», который Кузьмина-Караваева предчувствует в «Руфи» и который приводит ее в газовые печи Равенсбрюк. Этот подход позволяет избежать и односторонних оценок: видя в матери Марии «современную православную святую», Элизабет не проходит мимо ее стихотворения «Святости, труда или достоинства / нет во мне...». В итоге складывается сложный образ, сотканный из противоречий, далекий от агиографического канона, как можно было бы ожидать от автора книги «Молитва и святость в православной русской церкви» /20/.

В этом восприятии ощутимо созвучие с голосом Оливье Клемана (прошедшего со своей стороны путь от агностицизма к православию), с которым Элизабет участвовала в 1965 г. в создании специального номера журнала «Contacts», посвященного 20-летию гибели матери Марии /24; 25/.

Памятные даты: двадцатилетие со дня гибели

Выпуск номера (Contacts. 1965. № 51) стал первым значительным свидетельством о матери Марии на французском языке. Он открывается богословскими статьями Оливье Клемана и Элизабет Бэр-Сижель и подборкой стихов разных лет, позволяющих услышать голос матери Марии по-французски. Он появляется параллельно двум очень разным книгам о матери Марии на английском языке — «The rebel nun: The moving story of Mother Maria of Paris» журналиста Т. Страттона Смита /27/, увлекшегося личностью матери Марии и собиравшего материалы о ней через переводчицу; и «One of Great Price: the life of Mother Maria Skobtsova, Martyre of Ravensbruck» православного священника о. Сергия Гаккеля /26/, работавшего в Париже со свидетелями и первоисточниками, которому в итоге были переданы архивы матери Марии. Публикация в «Contacts», посвященная матери Марии, интересна тем, что ее авторы синтезируют оба подхода, включая в том числе эмигрантские свидетельства, появившиеся в связи с днями памяти матери Марии в Париже. Эта публикация создала подлинные «контакты» и определила восприятие наследия матери Марии на десятиле-

тия вперед: одно из последних изданий богословских статей и стихов матери Марии, «le Sacrement du Frère», переизданное в 2001 г. /13/, открывается предисловием Оливье Клемана из журнала «Contacts», полвека спустя.

В этой статье мать Мария предстает в многообразии своих обликов и клише: «скандал» для многих, «бывшая социалистка, дважды замужняя <...>, она осталась анархисткой вплоть до своего внешнего вида» [21], — характеристика, явно пришедшая из бердяевского слова «Памяти матери Марии», произнесенного в 1965 г. на собрании «Православного Дела» [1], несомненно, известного Клеману, увлеченному чтением Бердяева. Однако автор тотчас показывает подлинную природу этого «анархизма» — евангельскую безмерность, юродство во Христе, безграничную любовь к ближнему. Стихи, мистерии, вышивки прочитываются как органичное выражение этого «таинства брата» или «богословия встречи», на клемановском языке. Статья, в свою очередь, становится местом встречи: французский богослов находит в стихах русской монахини подтверждение собственным мыслям, но дает им и точное богословское выражение, позволяя, в частности, более глубокое прочтение строк стихотворения 1916 г. «и я умру, и я воскресну вновь». «Мир для матери Марии не могила, но материнская утроба», пишет Клеман [21, с. 176]; тайна смерти, жертвы, гроба становится тайной жизни, воскресения, чему мы находим точное выражение, в этих же словах, в поздних стихах матери Марии [10, с. 45] и в статье «Рождение в смерть» [11, с. 123–134]. Клеман выявляет здесь то основное, что, по ее определению творчества, «не сгорит в апокалиптическом огне», подтверждая и укрупняя интуиции К. Мочульского и Н. Бердяева в прочтении ее поэзии. Кроме того, он ориентирует ее восприятие последующими поколениями, вне конфессиональных и национальных границ. Ибо для автора статьи мать Мария, прежде всего, творец, преображающий ближнего, при глубоком осознании, что первый встречный — не только «икона Божества», но и его затуманенный образ, «искажающее воздействие дьявола», что обращает «таинство брата» в тяжелейшую духовную борьбу. Но мать Мария преображает и само место жизни, как свидетельствуют изумленные современники, превратив лурмельскую церковь «в декорацию к Борису Годунову» [19, с. 191]; столовую общежития — в место богословско-поэтических дискуссий; украсив лагерьный барак на Пасху 1944 г. «изумительными вырезками из белой бумаги» [22, с. 1]. Ибо речь идет о создании места «красоты,

риска и праздника», где при любых условиях будет «буйствовать жизнь», заключает Клеман [21, с. 176].

В этом ответе Великому Инквизитору узнаются лики художника и революционерки, но указывается и на недостаточность абсолютизировать одно или другое. «Мать Мария не противопоставляла, но преумножала», отмечает О. Клеман. Совместив своим опытом жизни правые и левые убеждения, обуреваемая жаждой изменить мир и придя к «таинству брата», она показывает, что одно может усиливать другое. Эта принципиальная многозначность не позволяет видеть в ней и лишь святую — образ, который начал складываться в определенных церковных, но и литературных эмигрантских кругах (даже язвительный Яновский отмечает, что «святость матери Марии сказалась в мирное время в ее доме не в меньшей степени, чем потом в немецком застенке» [19, с. 191]). Клеман заключает: «Мы любим и почитаем мать Марию не *вопреки* ее хаотичности, странности, страстности, но *за них*, которые делают ее необычайно живой. Некрасивой и неопрятной, сильной, крепко сложенной — живой!» [21, с. 177].

Это напоминает блоковское стихотворение «Когда вы стоите на моем пути, такая живая, такая красивая», посвященное пятнадцатилетней Лизе. И если с тех пор красота обратилась некрасивостью — это лишь усиливает парадоксальность ее притягательности. Эта характеристика проясняет и подход Элизабет Бер-Сижель, которая пишет о святой *нашего времени*, не иконописной святой. Именно в этих выражениях вспоминает в 2007 г. в своей книге о матери Марии известная французская писательница Доминик Десанти, называя себя неверующей, а мать Марию, «втайне», — «моей святой». «Нет, не святой с витражей готических соборов, но участницей всех грозных событий первой половины двадцатого столетия» [4, с. 5]. Этот образ всецело вырастает из наблюдения Оливье Клемана, процитированного с первых строк ее книги. Парадоксальным образом, его очерк играет свою роль и в канонизации матери Марии Константинопольским патриархатом в 2004 г.: он был предоставлен в качестве мощного голоса западного православного богослова на рассмотрение комиссии по канонизации матери Марии среди других материалов, свидетельствующих о ее святости.

Таким образом, среди многих событий этого года, отмечающих память матери Марии в России (заседания литературного объединения «Никитинские субботники» /22/, эхо которых, кстати, доходит до католическо-

го журнала «Esprit» /29/), и в эмиграции (собрания в «Православном Деле» [1]), скромный номер «Контактов», созданный не русскими и не эмигрантами, и даже, изначально, не православными, — «томов премногих тяжелей». Заострив внимание на творческой гениальности матери Марии, превосходящей всякие каноны, церковные и эстетические, его авторы тонко почувствовали, в чем она «живущим даст ответ», то, что позволяет **помнить** о ней, а не просто вспоминать, как пишет Ахматова в «пропущенных» строфах «Поэмы без героя».

Последнее двадцатилетие: новые подходы

Оглядываясь на последние два десятилетия, можно отметить несколько изменений в отношении к поэзии матери Марии, позволяющих говорить, на наш взгляд, об изменении не только ее статуса в истории, но и иного видения истории в свете ее наследия. Отметим некоторые из них, не претендуя на полноту¹¹.

Образ участницы Сопротивления почти исчез с русского горизонта, однако остается определяющим во французской среде: свидетельство Женевьевы де Голль, племянницы знаменитого французского президента, созницы матери Марии по 27 блоку в Равенсбрюке, рассказавшей о гибели матери Марии словами Рильке («каждому — смерть по достоинству»), — неотъемлемая часть каждого нового приближения к матери Марии [22, с. 4]. Оно определяет тональность документального повествования, созданного Лоранс Варо, изучающей историю коллаборационизма во Франции /82/. Оно позволяет Доминик Десанти, активной сопротивленке, подробно описать деятельность матери Марии во время немецкой оккупации Парижа как сопричастность общему делу, делающему возможным диалог неверующей и святой [4, с. 153–157]. Однако этот диалог имеет и более глубинные корни: автор книг о Р. Десносе, Л. Арагоне, М. Цветаевой, написанных красивой ритмической прозой, Доминик приближается к матери Марии через ее поэзию, блоковского и позднего периодов, одинаково равноценных для нее в постижении загадочного опыта матери Марии. Книга Десанти, владеющей русским языком, — скорее, исключение. В целом мать Мария — поэт, и в особенно-

¹¹ Биографический указатель исследований произведений и критической литературы о Кузьминой-Караваевой, изданный А.Н. Шустовым в 2002 г., насчитывает 731 наименование /90/. За последнее десятилетие появились десятки новых работ.

сти, поэт Серебряного века, практически неизвестна во французском мире. Трудность переводов русской поэзии делает ее малодоступной, и в этом мать Мария разделяет судьбу куда более известных соотечественников — Н. Гумилева, Анны Ахматовой и даже «короля поэтов»¹², как она трижды называет Блока в шести строках своего юношеского стихотворения.

Эта грань поэтического наследия Кузьминой-Караваевой, напротив, наиболее востребована российскими читателями, в их стремлении узнать подлинную историю страны дореволюционного периода, рассказанную поэтами. Важные находки и публикации последних лет — книга Кузьминой-Караваевой «Дорога» (1912–1913) с пометками Блока на полях, опубликованная в 2000 г. Л.И. Бучиной /12/; встречи с А. Толстым, знакомство с Н. Гумилевым, поэтами ивановских сред, тщательнейшим образом исследованные А.Н. Шустовым /71; 78; 63/¹³, — восполняют ее первый облик поэта Серебряного века, представленный исследованиями Д.Е. Максимова в 1968 г. /31/ и В.Н. Орлова в 1980 г. /40/. Специалисты по творчеству Волошина /57/ и Ахматовой [17, с. 25] добавляют к нему новые штрихи.

Параллельно достраивается ее образ поэта зарубежья, «парижской ноты» русской эмиграции: первые птицы — стихи, долетевшие из тетрадей Плюханова, восполняются новыми публикациями в столичных журналах: появление в 1998 г. в «Новом мире» /11/ подборки стихов из парижского архива Е.Д. Клепининой-Аржаковской сравнивается редакцией со «взрывом» после публикации «Одного дня Ивана Денисовича». Литературоведческие анализы из книги Г.П. Струве «Русская литература в изгнании» расширены страницами из истории взаимоотношений матери Марии с Бальмонтом /59, с. 438/, встреч с Мережковским /75/. Наталья Ликвинцева, сотрудница московского Дома Русского Зарубежья, приоткрывает роль монахини в деятельности литературного объединения «Круг»¹⁴, который становится таковым, в искомом значении слова, не без участия матери Марии (Новый Град. 1936. № 11).

12 Речь идет об эпизоде избрания Блока 10 декабря 1911 г. «королем русских поэтов» в ресторане «Вена», месте поэтических встреч Петербурга, описанном в воспоминаниях Вл. Пяста [15, с. 170–171, 365]. См.: Встречи с Блоком [8, с. 83].

13 А.Н. Шустов — автор более 100 публикаций, охватывающих разные стороны жизни и творчества матери Марии. См. прим. 11.

14 Доклад, прочитанный 4 октября 2012 г. в Таллине на международном семинаре «Культурные центры и “гнезда” русской эмиграции XX века» /110/.

Мистерии, существенная часть ее поэтического наследия в эмиграции, выражающие ее творческое кредо *hic et nunc*, производят во Франции и в России столь же сильный и непосредственный эффект: привлечение внимание богословов (Оливье Клеман, София Лосская¹⁵) мистерии поставлены Е.Д. Клепининой в Париже («Анна», 1998; «Семь чаш», 2001), Лидией Крошкиной в Твери и Подмосковье («Анна», 2011). Чтение этой мистерии, благодаря публикации С.Н. Кайдаш в 1989 г., ведет автора этой статьи к написанию диссертации, посвященной жанру мистерии в XX в. (защищена в МГУ им. М.В. Ломоносова в январе 1999 г.), в которой тексты матери Марии исследуются в связях с религиозными драмами Дороти Л. Сайерз, Чарльза Вильямса, Т.С. Элиота. Анализ показывает, что эмигрантское наследие матери Марии не только связывает два насильственно разведенных русла русской литературы, но и вливается в западно-европейскую, т. е. вспоминает о забытых корнях: «Анна» отсылает к «Мираклю о Теофиле», известному Кузьминой-Караваевой в переводе Блока для Старинного театра и увиденному во Франции, в частности, в постановках студентов — «теофилов» в Сорбонне, при участии Н. Евреинова, и, среди актеров, — русских эмигрантов. Поэзия оказывается диалогом по преимуществу: в мистериях матери Марии слышны отголоски ее чтения мистерий Пеги, открытого благодаря о. Льву Жилле /93/. Жорж Нива со своей стороны отмечает, что творчество матери Марии «принадлежит “обоим легким” Европы», «вписывается в мартиролог поэзии рядом с Целаном, Мандельштамом, Цветаевой» [14, с. 9, 11].

Новым оказывается стремление представить поэзию матери Марии в ее многогранности, осознание ее духовного измерения, подчеркнутого, в частности, в трудах Г.И. Беневича, защитившего в 2001 г. диссертацию о «Синтезе религии, философии и культуры в творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой» /87/ и издавшего ее духовную биографию /91/. Мать Мария оказывается представителем религиозно-философского направления русской поэзии¹⁶, в образе которой сфокусировались многие проблемы XX в.

15 Православный французский катехизатор, посвятившая «Анне» программу «Радио-Диалог» христианского радиоканала в Марселе в 1997 г.

16 Целый ряд современных исследований посвящен разным аспектам философского и богословского наследия матери Марии: Л. Яковлева прослеживает «Идею соборности» /67/; З. Крахмальникова — «Русскую идею матери Марии» /70/; Г. Беневич исследует «Пути русской софиологии от Фонвизина до матери Марии» /88/; А. Медведев раскрывает «дар

Блоковские слова «писать стихи перед Богом» определяют тональность творчества матери Марии, в разное время прочувствованную поэтами (Ю. Терапиано, Г. Раевский), литературными критиками /33/, священниками /34/. Это измерение ее поэзии становится в современных исследованиях ключом к прочтению раннего наследия (работы С.Н. Кайдаш 1990-х гг.) и творчества в период эмиграции (труды Н. Ликвинцевой), позволяя увидеть между ними связь и конечную заданность этой поэзии, сформулированную, в частности, в диалоге с духовным отцом С. Булгаковым в поэме «Духов День» /95/. Оно задает иной уровень осмысления «женского» в поэзии матери Марии: увиденный россиянами образ Богородицы по «Руфи» и «Святой земле» /62/ открывается как «раскинутый над миром Покров» и западному читателю. Он оказывается переводим на все языки и позволяет, например, Элизабет Бэр-Сижель в процитированном свидетельстве 1989 г. увидеть в матери Марии предвестницу женского священства¹⁷ — тему, горячо защищаемую в собственных богословских трудах.

Это измерение поэзии м. Марии позволяет раскрыть новые глубины в ее диалоге с Блоком, стремление 25-летней поэтессы «благословить, на руках понести» [8, с. 448]. Материнству как объединяющему мотиву творчества матери Марии посвящена диссертация Натальи Ермолаевой /100/¹⁸. Поэзия матери Марии становится выражением ее богословия, как в разное время отмечают Н. Струве в Париже, о. Леонид Кишковский в Сиклифе, отец Георгий Кочетков в Москве. Одновременно это, как показывает в своих анализах А.И. Шмаина-Великанова /81/, и язык внехрамовой литургии, т. е. наиболее адекватного диалога с миром и ближним. Именно с этой точки зрения, глубинного понимания взаимоотношений человека и Бога, по мнению Лидии Крошкиной, автора богословско-филологических работ о житиях матери Марии, наследие матери Марии востребовано в современной России¹⁹.

свободы», христианский гуманизм /108/ и проблему «русского мессианизма» в творчестве матери Марии /109/.

17 «После ее докладов, люди стремились поговорить с ней наедине. Порой перед ее камеркой, превратившейся в исповедальню, выстраивалась длинная очередь», — пишет свидетельница лурмельских встреч [20, с. 61].

18 См. ее расшифровку и публикацию неизвестного текста матери Марии «О суде Соломона и о материнстве» /16/.

19 См. Материалы международной конференции, организованной Л. Крошкиной в декабре 2011 г. в Свято-Филаретовском институте /103/.

Универсальность поэтического слова позволяет преодолеть не только географические и идеологические, но и конфессиональные границы: католический журнал «Esprit», основанный Эмманюэлем Мунье, публикует в 1966 г. статью Benjamin Goriely, узнавшего о матери Марии от русского поэта еврейского происхождения Довида Кнута и изумленного, что и двадцать лет спустя после ее смерти «память о ней воспламеняет сердца во Франции, в Англии, в США, в Канаде и — о чудо! в СССР» [23, с. 102]. В 2000 г. в новой России мать Мария открывается одной из ее петербургских исследовательниц Л.И. Агеевой в параллелях с поэзией и философией Рабиндраната Тагора /84/, отражая разные грани этого жизне-творчества, обратившегося из идеи русских символистов в реально проживаемый опыт жизни, где «так сильно связано все в узел вечный» [9, с. 54].

Поэзия вызова или призыв к творчеству?

Канонизированный поэт?

Этот взгляд полвека спустя на рецепцию поэзии матери Марии с середины 60-х гг., ее первых отзвуков, позволяет увидеть связь каждого нового образа не столько с объективными факторами, «духом времени», страной или языком, сколько с личностью читателя. Наиболее значительные, повлиявшие на восприятие поколений «портреты» матери Марии-поэта, созданы французским богословом, православным священником из Англии и «неверующей» француженкой — многообразие, говорящее само за себя. Каждый раз сложившийся стереотип (декадентка, революционерка, странная монахиня, героиня Сопротивления, святая) корректируется новым читательским восприятием, заостряющим неведомый образ, в итоге — наиболее дорогой сердцу автора: поэзия матери Марии позволяет богословам найти возможные формы для выражения ускользающего мистического опыта; указывает литературоведам новые тропы в постижении сложных путей русской поэзии XX столетия /57; 64; 92/. Она открывается самым разным людям как экзистенциальная опора, материнский поддерживающий жест, являет пример действия полноценного существования, когда все, казалось бы, говорит, что «мир твой богозданный — ад» «и душа в безлюдье одинока», как порой вырывается у самой матери Марии в стихах [9, с. 45]. В этом — самая суть ее персонализма, обращенного к миру, где диалог с каждым встречным ведется на его языке. В этом состоит и один из пара-

доксов ее поэзии: выражая сложные идеи, отсылая к богословским поискам «парижской школы», она остается открытой каждому. («Своею» открывается мать Мария и в святости — канонизированная Константинопольским патриархатом как «мученица Парижская», она появляется на иконе «всех бежецких святых» в Твери или же как «моя святая» в книге Доминик Десантти.)

За подлинный образ матери Марии ведется настоящая борьба: вдова о. Дмитрия Клепинина вычеркивает целые параграфы в книге Т.С. Смита, присланной ей для корректуры. В то время как «Литературная газета» подчеркивает «исторически достоверный рисунок роли» Л.И. Касаткиной в фильме С. Колосова «мать Мария», вызвавший в Париже «горячий прием» /42/, парижанка Е.Д. Клепинина пишет в эмигрантской и французской прессе о «подделке облика матери Марии», монашеское одеяние которой превратилось в «траур по утраченной родине», чтение стихов — в развлечение в кабаре, а ее известные слова гестаповцу «и Вам помогла бы» — в гневно произнесенное «а Вам бы никогда не помогла!» /43; 44/. Эти искажения отсылают, впрочем, к микулинскому тексту, основанному на вольно переписанных произведениях матери Марии, где пьеса «Анна» превращается в «Бунтующую монахиню», а на книжной полке в лурмельской каморке матери Марии, рядом с книгами Блока и Соловьева, находится место для «Капитала» Маркса и «биографии Ленина на французском языке» [12, с. 117]. Возмущенные голоса «не делать из матери Марии Зою Космодемьянскую или Лизу Чайкину» доносятся до Парижа, в том числе в виде неподписанных писем и из Советской России: «лучше совсем ничего не говорить о матери Марии. Каждое слово фильма — ложь. Тяжкое испытание»²⁰.

Это напоминает предупреждение Оливье Клемана будущим биографам матери Марии не становиться агиографами: эволюция от «красной монахини» к иконописной святой одинаково далека от истинного облика неуловимой монахини. (Действительно, исчезает «героиня русского Сопrotивления», но вместо нее с русских сайтов на нас смотрит русская святая, ставшая знаменем патриотизма, — образ, основанный на свидетельствах Мочульского и Бердяева, говорящих о ее исключительной любви к России,

20 Письмо из Москвы о фильме «Мать Мария» / Режиссер С. Колосова, сценарий С. Колосова, Е. Микулиной (СССР, МОСФИЛЬМ, 1982), октябрь 1982 г. (Архив Е.Д. Клепининой-Аржаковской, Париж).

однако не исчерпывающий размах ее мысли, сближающей, по Оливье Клеману, Россию и Запад [21, с. 170].

По-прежнему кипят споры не только вокруг ее имени²¹, но и вокруг ее поэзии: ставится под сомнение самое, казалось бы, безусловное открытие последних лет — ее статус религиозного поэта — не по-бердяевски (может ли монахиня писать стихи?), а по существу — пишет ли она стихи? Так, А.М. Копировский, искусствовед и богослов, тонкий знаток иконописного творчества в эмиграции, интересно проанализировав «аскетику эстетизма» матери Марии, т. е. «аскетику человекообщения, которая противостоит эстетике внутренней», ставит вопрос о художественности некоторых ее стихов /104/.

Однако в этих спорах — самый нерв творчества матери Марии; то, что позволяет ей остаться «живою» и ответить на эти сомнения своими же стихами. «Святости, труда или достоинства / Нет во мне», — пишет она в переломные 30-е гг., когда ее поэзия действительно все больше отделяется от «литературы» в общепринятом значении этого слова, т. е. от обособленной области творчества и поиска формы, как это отмечают ее внимательные читатели-современники²². Эти стихи чем дальше, тем больше становятся жизнью²³, сливаясь с ее ритмами, высвечивают диаграмму ее сердца, как показывают наспех записанные строки в записных книжках (фрагмент рукописи), порой ставящие в тупик ее современных расшифровщиков Ю.В. Балакшину, Н.В. Ликвинцеву, Н. Ермолаеву, Е.Л. Майданович. В каком-то смысле, — это поэзия вызова, каковым была ее жизнь, расшатывание всякого канона — эстетического и религиозного, но и ставшего каноничным собственного «портрета». При этом каждый новый образ, даже возвращаясь к прежним мифам, помогает избежать однозначности и пара-

21 Канонизация матери Марии Константинопольским патриархатом вызывает полярные мнения, как резкое неприятие (см., например, письмо Георгия Белодурова Феофилу от 7 апреля 1999 г. /76/, полемику игумена Сергия (Рыбко), прот. Димитрия Карпенко /101/, прот. Владимира Воробьева на Правмире /106/, так и глубокое почитание в России и на Западе, где за последнее время появились ее иконы и свидетельства о святости и молитвенном даре, сменившие еще недавно настороженный тон.

22 Поэт Юрий Терапиано пишет в отзыве на посмертное издание поэзии матери Марии в 1949 г., что к ней «нельзя подходить с литературными мерками; <...> ее можно принять или оттолкнуть, но ее нельзя разбирать, спорить о деталях» [16, с. 146].

23 Не потому ли многие ее строки стали афоризмами: «мой долгий путь рассчитан на шаги» — многое скажет каждому в минуту отчаяния.

доксальным образом в чем-то освобождает облик матери Марии от начинающего складываться канона.

«Человечество к творчеству обязывается»

Это связано с диалектикой ее мысли, постоянным становлением, в котором она пребывает сама, передавая его своим читателям и исследователям. Изменение восприятия ее поэзии, т. е. жизнотворчества связано, как мы видели, с находками книг, рукописей стихов и статей, публикация которых производят порой эффект взорвавшейся бомбы²⁴. Среди этих обнаруженных творческих воплощений матери Марии в мире — вышивки и иконы, извлеченные из ризниц парижских церквей и частных архивов в Англии и в России; вырезки из бумаги, обнаруженные в Америке; или же снятый в 1968 г. немецкой телекомпаний WDR фильм «Meine Zelle heisst welt», содержащий документальные свидетельства о ее жизни и росписях лурмельской церкви. Каждая находка воистину позволяет Елизавете Юрьевне «вернуться» и еще раз удивить (или шокировать) своих новых современников. Это несомненно связано и с изменением исследовательских подходов — ныне в России мать Марию читает богословски подкованная молодежь, читатель, который несравненно больше пропитан наследием Серебряного века и русской литературы, вернувшейся из изгнания. Но к этому изменению сознания причастна и сама мать Мария, каждой строкой призывающая больше чем к диалогу или спору, — но к совместному творчеству.

Этот призыв услышан за последние годы поэтами и композиторами: Т. Жирмунская /60/, Е. Ольшанская /55/ посвящают матери Марии свои стихи; В.С. Хиониди, композитор из Анапы, создает вокальный цикл «Я говорю торжественно “Во Имя”» (1995), И.А. Жванецкая из Московского союза композиторов пишет кантату на ее стихи, испытывая, по ее словам, в эти минуты «такое общение с ней, словно это я и есть»²⁵. Стихотворение матери Марии «Я верю, Господи, что если ты зажег / в душе огонь моей, то не погаснет пламя» [10, с. 25], положенное на музыку Владимиром Крошкиным из Твери, подобно отблеску этого огня воспламеняет новые сердца.

24 Напомним о разыгравшейся полемике прот. Валентина Асмуса и Н.А. Струве в связи с публикацией в «Вестнике РХД» статьи «Типы религиозной жизни», найденной в парижском архиве матери Марии /73: 74/.

25 Вечер памяти матери Марии в Библиотеке иностранной литературы (Москва, декабрь 1997 г.)

Драматический накал ее судьбы и манеры письма вдохновляет московских режиссеров С. Суворова (пьеса «Мать Мария», 1993), В. и Л. Мезенцевых (моноспектакль «Жатва духа», 2001), а также и начинающих парижских авторов: Ольга Лосская, правнучка знаменитого богослова, представила в декабре 2005 г. перед публикой РСХД «Один день из жизни Лурмельского общежития», восстановленный ее творческим воображением по переписке отца Льва Жилле и Элизабет Бер-Сижель /96/. О матери Марии продолжают создаваться фильмы, стремящиеся, наряду с художественностью, и к достоверности: «Четыре жизни матери Марии» С.Н. Кайдаш-Лакшиной (Lad, 1994) опирается на свидетельства союзниц из Равенсбрюка; фильм, снятый в д. Борисово и с. Градницы в 1993 г., воссоздает поэтическую атмосферу юношеских лет. В этом смысле каждое приближение к матери Марии становится попыткой передачи собственного прочтения ее жизни, которое меняется и меняет людей. О «кресте образа матери Марии» вспоминает в 1997 г. на вечере памяти в Библиотеке иностранной литературы Л.И. Касаткина: «Мать Мария не уходит от меня. И никогда не уйдет».

Эта мечта о новом воплощении пережитой, казалось бы, роли, о новом приближении к ускользающему образу, быть может, самое характерное в современных исследовательских подходах. Меняется их стиль и расширяется их круг: военный инженер на пенсии, начав со сбора историографических материалов о жизни матери Марии, приходит к философскому толкованию поэмы «Духов день» /65/, пишет об «огненной крылатости» ее поэзии /77/; дочь известного французского адвоката правых убеждений увлекается диковинной монахиней /82/; поклоннице Сартра открываются мистические горизонты, в которых она вместе с тем находит «знакомые минуты надмирного полета» [4, с. 198]. Мать Мария пробуждает мысль, воспаляет слушателей и читателей: мне приходилось убеждаться в этом за последние годы в самой разной аудитории. На научном коллоквиуме в Сорбонне о франко-русских поэтических связях, организованном Мишелем Окутюрье, представленные мысли о диалоге матери Марии и Пеги вызывают оживленную дискуссию при участии С.С. Аверинцева, В.К. Лосской, О.А. Седаковой /93/. На вечере памяти в Равенсбрюке, совместное чтение и анализ стихов заставляют заговорить присутствующую в зале бывшую союзницу госпожу Дюкрэ, долгие годы хранившую молчание о месяцах заключения. В скупых, но точных словах она передает, почему она, француженка,

узнала другого барака, стремилась на изнурительных переключках оказаться рядом с матерью Марией: «С ней было интересно. Она читала нам стихи» [3]. Этот творческий огонь матери Марии чувствуют студенты Страсбургского университета, во время презентации стихов, написанных ею во время поездок по Эльзасу /102/: студентка с русского отделения начинает переводить ее стихи на французский; студент с отделения компаративистики выбирает «Русскую географию Франции» темой дипломной работы и следует ее путями по Франции русского рассеяния.

Мать Мария действительно в разное время направляет исследователей по своим стопам, приоткрывая еще неисследованные горизонты: З.Н. Лемякина, сотрудница анапского археологического музея выявляет в своих анализах сокрытые образы древней Анапы «Скифских черепков» /79/, упоминает подробности визита Кузьминой-Караваевой в 1914 г. к старцу Феодосию Кавказскому в районе п. Горный, расшифровывая стихотворение из «Руфи» «Опять остановилась на пороге» /80/. Посещение Бад-Наугейма позволяет автору этих строк понять стремление Кузьминой-Караваевой оказаться в местах творческого вдохновения Блока и восстановить новую страницу их поэтического диалога /85/. Е.Д. Клепинина-Аржаковская рассказывает творческую историю написания стихотворения «Марсель Ленуар» и родившейся из него вышивки, после того как находит упоминаемую фреску в Тулузе /72/. Отец Сергей Гаккель отправляется за океан, чтоб проверить найденное нами упоминание в письме С.Б. Пиленко к М.В. Вишняку об отправке части архива в Бахметьевский фонд русской эмиграции в Нью-Йорке. Находка превосходит все ожидания — коробки неизвестных рукописей оказались архивом матери Марии, который ныне готовится к публикации в полном собрании сочинений м. Марии в московском издательстве «Русский Путь»²⁶. В подготовку этого фундаментального издания вовлечены исследователи из Нью-Йорка (Н. Ермолаева), Парижа (Н.А. Струве), Москвы (А.И. Шмаина-Великанова.), Петербурга (Ю. Балакшина), Твери (Л. Крошкина), Анапы (Л.Н. Лемякина).

26 Первый том, «Встречи с Блоком. Воспоминания, проза, письма и записные книжки», вышел в 2012 г. /15/. Четыре последующих тома включают полное публицистическое, богословское и поэтическое наследие матери Марии (отв. редакторы Н. Ликвинцева, Т. Викторова, А. Шмаина-Великанова).

В итоге, мать Мария «воскресает» с каждым новым читателем, приглашая его к расшифровке своих криптограмм и к «тому, что не сказано»²⁷, но и «давая ответ», по мере вопрошания и поиска. «Человечество к творчеству обязывается», отстаивает она эту мысль на семинарах Лиги православной культуры /83/ — «право» не только монахини, но и каждого человека соответствовать данной ему творческой роли. Постановщики ее мистерий во Франции и в России приводят, быть может, наиболее красноречивые свидетельства: постановки Е.Д. Клепининой-Аржаковской с группой студентов РСХД «Анны» и «Семи чаш» становятся приглашением к творчеству, где все построено на свободном достраивании смыслов и сценических решений /86/. Актеры тверской «Анны», со своей стороны, рассказывают о новом жизненном опыте и творческом подъеме на еще неведомые высоты²⁸. Это может напомнить слова Жана-Луи Барро о том, что для того, чтобы играть клоделевские пьесы на сцене, нужно превзойти себя. Возможно, это сравнение может показаться преувеличением, но оно отражает непомерный характер создательницы этих скромных текстов («куда же ветер крыльев деть?» [10, с. 51]), суть ее творческого отношения к жизни, призыв разделить с ней открывшуюся безмерность «в ритмах всебытия» [10, с. 52].

Будущее поэзии матери Марии

Оказываясь в итоге «неузнанной» в каждом новом прочтении, акте продолжающегося творения, поэзия матери Марии остается свидетельством, позволяющим уловить и предвидеть логику исторических событий, принять «парижские Соловки» в стране свободы, ибо «при всякой власти отошлет канон / (какой-нибудь!) на этот мертвый остров» [11, с. 56]. Ибо в ее случае нам открывается та святость, что совпадает с гениальностью, по словам Оливье Клемана, цитирующего чаяние Симоны Вейль [21, с. 177]. Невместимая в рамки канона, причастная к его постоянному обновлению, она обречена на негодования Сальери. В этом смысле, поэзия матери Марии

27 «И все-таки — не сказано», записывает Блок на полях стихотворения «Я силу много раз еще утрачу», отмечая основное свойство ее поэзии [7, с. 75].

28 Александра Ларионова (роль Игуменьи): «Спектакль мне помог понять, что возможен и путь безбрачия, что путь служения — не заикливание на себе»; Александр Крошкин (роль Скитальца): «Я получил пример праведного и сильного человека, который может поставить злу предел»; Виктория Лебедь (роль Анны): «На премьеры моей душой овладела такая благодать и спокойствие, которое я никогда не испытывала».

становится голосом, приоткрывающим будущее, одним из тех поэтов-холмов, о которых Аполлинер пишет в год создания «Руфи». Действительно, неясные, туманные для современников в 1916 г. строки, наполнены для нас высокого значения, будучи подтверждены ее жизнью и канонизацией, их внешне выраженными вехами. И даже если какого-то главного лика матери Марии мы по-прежнему не знаем, возможно ли, после столетней «разлуки», не услышать ее вести — о судьбах России и Запада, израильского народа, о богоявлении в творчестве, о мистике человекообщения; «не поверить словам», обнадеживающим в самом чаемом уповании каждого — «что боли больше нет»?

* * *

В целом, наследие матери Марии позволяет нам иначе взглянуть на последние десятилетия, не только заострив, но и разрешив многие краеугольные вопросы современности. Так, ее «ответ» расширявается в современной России на ее, ставшем понятном языке, соединившим серебряный век русской поэзии и современную культуру; воплощая «российское мессианское призвание» в западном мире, «родное» во «вселенском», как одновременно пишет Вячеслав Иванов в Риме. При этом мистические прозрения и реальное действие, софийное и дионисийское, женское и мужское, часто противопоставленные, находят органичное сочетание в опыте личности, посвятившей свое жизнетворчество «поиску синтеза», согласно одной из ее программных статей, объединяющей мысли о художественно-философском наследии Достоевского, Хомякова и Соловьева 1920-х гг. Новая форма «ответа», найденная в 1930-е гг. в терминах парижской богословской школы как «борьба за целостную культуру», «воплощение Богочеловечества», тем более убедительна, что параллельно дана как реально прожитый опыт русского европейца, соединивший не только культуры и религии, но и культуру и религию, в стремлении «восстановить единый Лик» /II, с. 130/. Это основное чаяние русской религиозной мысли осуществляется совместно с усилиями европейских поэтов, стремящихся, со своей стороны, «укрепить покачнувшийся центр вселенной» (Поль Клодель), обрести «утраченную цельность мировосприятия» (Т. С. Элиот), преодолеть мучительную разорванность современного сознания (Ф.Г. Лорка, Ф. Пессоа).

Список литературы

- 1 *Бердяев Н.* Памяти матери Марии // Вестник РСХД. 1965. № 78. С. 21–23.
- 2 *Будырко М.* Рассказы Анны Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 70–87.
- 3 *Викторова Т.* Паломничество в Равенсбрюк // Вестник РХД. 2008. № 193. С. 300.
- 4 *Десанты Д.* Неверующая о святой. СПб.: Алетейя, 2011. 230 с.
- 5 *Кайдаш С.Н.* Судьба и вера матери Марии // Театр. 1989. № 5. С. 148–150.
- 6 *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Руфь. Пг.: Изд-е Попова, 1916. 139 с.
- 7 [Кузьмина-Караваева Е.Ю., Блок А.А.] Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок: [поэт., мемуар., и крит. материалы: сборник] / сост. и подгот. текста: Л.И. Бучина, А.Н. Шустов]. СПб.: РНБ, 2000. 224 с.
- 8 *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)* Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.; Париж: Русский Путь — Книжница — УМСА-Press, 2012. 656 с.
- 9 *Мать Мария.* Стихи. Берлин: Петрополис, 1937. 97 с.
- 10 *Мать Мария.* Стихи. Париж: Общество друзей матери Марии, 1949. 101 с.
- 11 *Мать Мария.* Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Paris: Oreste Zeluck, 1947. 165 с.
- 12 *Микулина Е.* Мать Мария. М.: Современник, 1983. 288 с.
- 13 *Мочульский К.В.* «Монахиня Мария. Стихи» // Путь. 1937. № 53. С. 86–87.
- 14 *Нива Ж.* «И до конца мне надо обнищать» // Мать Мария (Скобцова). Красота спасающая: Живопись, графика, вышивка / сост. К.И. Кривошеина. СПб.: Искусство—СПб., 2004. С. 9–12.
- 15 *Пяст Вл.* Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 416 с.
- 16 *Терапиано Ю.* Мать Мария // Встречи. 1953. С. 143–147.
- 17 *Тименчик Р.Д.* Заметки о «Поэме без героя» // Поэма без героя: в 5 кн. М.: МПИ, 1989. С. 3–25.
- 18 *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Индрик, 2008. 768 с.
- 19 *Яновский В.С.* Поля елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 276 с.
- 20 *Behr-Sigel E.* Mère Marie Scobtsov // Le Messenger Orthodoxe. 1989. № 111. P. 56–72.
- 21 *Clement O.* Dans le désert des cœurs // Contacts. 1965. № 51. P. 170–177.
- 22 *Gaulle-Anthonioz de G.* Mère Marie // Voix et visages. 1966. № 102. P. 1–4.
- 23 *Goriely B.* Mère Marie // Esprit. 1966. № 7–8. P. 102–114.

References

- 1 Berdiaev N. Pamiati materi Marii [In the memory of Mother Maria]. *Vestnik RSKhD*, 1965, no 78, pp. 21–23. (In Russ.)
- 2 Budyenko M. Rasskazy Anny Akhmatovoi [Stories of Anna Akhmatova]. *Zvezda*, 1989, no 6, pp. 70–87. (In Russ.)
- 3 Viktorova T. Palomnichestvo v Ravensbriuk [Pilgrimage to Ravensbrück]. *Vestnik RKhD*, 2008, no 193, p. 300. (In Russ.)
- 4 Desanti D. *Neveruiushchaia o sviatoi* [Unbeliever about the saint]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2011. 230 p. (In Russ.)
- 5 Kaidash S.N. Sud'ba i vera materi Marii [The fate and faith of Mother Maria]. *Teatr*, 1989, no 5, pp. 148–150. (In Russ.)
- 6 Kuz'mina-Karavaeva E.Iu. *Ruf'* [Ruth]. Petrograd, Izd-e Popova Publ., 1916. 139 p. (In Russ.)
- 7 [Kuz'mina-Karavaeva E.Iu., Blok A.A.] *Elizaveta Kuz'mina-Karavaeva i Aleksandr Blok: poet., memuar., i krit. materialy: sbornik* [Elizaveta Kuzmina-Karavayeva and Alexander Blok: Poems, memoir and critical materials: a collection], compiled by L.I. Buchina, A.N. Shustov. St. Petersburg, RNB Publ., 2000. 224 p. (In Russ.)
- 8 Mat' Mariia (Skobtsova; Kuz'mina-Karavaeva E.Iu.) *Vstrechi s Blokom: Vospominaniia. Proza. Pis'ma i zapisnye knizhki* [Meetings with Blok: Memoir. Prose. Letters and notebooks]. Moscow, Paris, Russkii Put' – Knizhnitsa – YMCA-Press Publ., 2012. 656 p. (In Russ.)
- 9 Mat' Mariia. *Stikhi* [Poems]. Berlin, Petropolis Publ., 1937. 97 p. (In Russ.)
- 10 Mat' Mariia. *Stikhi* [Poems]. Paris, Obshchestvo družei materi Marii Publ., 1949. 101 p. (In Russ.)
- 11 Mat' Mariia. *Stikhotvoreniia, poemy, misterii, vospominaniia ob areste i lagere v Ravensbriuk* [Poems, narrative poems, mysteries, memoir of the arrest and camp in Ravensbrück]. Paris, Oreste Zeluck Publ., 1947. 165 p. (In Russ.)
- 12 Mikulina E. *Mat' Mariia* [Mother Maria]. Moscow, Sovremennik Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)
- 13 Mochul'skii K.V. «Monakhinia Mariia. Stikhi» [Nun Maria. Poems]. *Put'*, 1937, no 53, pp. 86–87. (In Russ.)
- 14 Niva Zh. «I do kontsa mne nado obnishchat'» [“And I need to completely impoverish”]. *Mat' Mariia (Skobtsova). Krasota spasaiushchaia: Zhivopis', grafika, vyshivka* [Beauty saving: Painting, graphics, embroidery], compiled by K.I. Krivosheina. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 2004, pp. 9–12. (In Russ.)
- 15 Piast Vl. *Vstrechi* [Meetings]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1997. 416 p. (In Russ.)
- 16 Terapiano Iu. Mat' Mariia [Mother Maria]. *Vstrechi* [Meetings]. New York, 1953, pp. 143–147. (In Russ.)

- 17 Timenchik R.D. *Zametki o «Poeme bez geroia»* [Notes on “Poem Without a Hero”]. *Poem without a hero: v 5 kn.* [Poem Without a Hero: in 5 vols.]. Moscow, MPI Publ., 1989, pp. 3–25. (In Russ.)
- 18 Chernykh V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889 – 1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 768 p. (In Russ.)
- 19 Ianovskii V.S. *Polia eliseiskie. Kniga pamiati* [The Avenue des Champs-Élysées. Memory Book]. St. Petersburg, Pushkinskii fond Publ., 1993. 276 p. (In Russ.)
- 20 Behr-Sigel E. *Mère Marie Scobtsov. Le Messenger Orthodoxe*, 1989, no III, pp. 56–72. (In French)
- 21 Clement O. *Dans le désert des cœurs. Contacts*, 1965, no 51, pp. 170–177. (In French)
- 22 Gaille-Anthonioz de G. *Mère Marie. Voix et visages*, 1966, no 102, pp. 1–4. (In French)
- 23 Goriely B. *Mère Marie. Esprit*, 1966, no 7–8, pp. 102–114. (In French)

БИБЛИОГРАФИЯ

текстов матери Марии и исследований о ее творчестве, упомянутых в статье
(в хронологическом порядке)

Тексты матери Марии

- 1 *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Руфь. Пг.: Изд-е Попова, 1916. 139 с.
- 2 *Кузьмина-Караваева Е.* Стихи // *Современные записки*. 1929. № 39. С. 170–173.
- 3 *Монахиня Мария (Скобцова).* Стихотворения // *Современные записки*. 1936. № 62. С. 185–187.
- 4 *Монахиня Мария.* Встречи с Блоком // *Современные записки*. 1936. № 62. С. 211–228.
- 5 *Мать Мария.* Стихи. Берлин: Петрополис, 1937. 97 с.
- 6 *Мать Мария.* Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Paris: Oreste Zeluck, 1947. 165 с.
- 7 *Мать Мария.* Стихи. Париж: Общество друзей матери Марии, 1949. 101 с.
- 8 *Монахиня Мария.* Стихотворения / публ. Б.В. Плюханова // *Даугава*. 1987. № 3. С. 118–120.
- 9 *Мать Мария.* Анна / публ. С.Н. Кайдаш // *Театр*. 1989. № 5. С. 151–158.
- 10 *Монахиня Мария (Скобцова).* Стихотворения / публ. Б.В. Плюханова // *Собеседник*. 1989. № 9. С. 158–168.
- 11 *Мать Мария.* «Тишина, огонь и слово». Стихи из парижского архива м. Марии / публ. Т. Емельяновой // *Новый мир*. 1998. № 9. С. 127–133.
- 12 *Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок: [поэт., мемуар., и крит. материалы: сборник] / сост. и подгот. текста: Л.И. Бучина, А.Н. Шустов].* СПб.: РНБ, 2000. 224 с.

- 13 *Mère Marie*. Le Sacrement du Frère. Paris: Cerf, 2001. 312 p.
- 14 *Mère Marie*. «Poètes spirituels de la Russie» / publ. de Tatiana Victoroff // *Le Porche*. 2002. № 10. P. 23–28.
- 15 *Мать Мария (Скобцова; Кузьмина-Караваева Е.Ю.)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.; Париж: Русский Путь — Книжница — YMCA-Press, 2012. 656 с.
- 16 *Мать Мария (Скобцова)*. О суде Соломона и о материнстве / публ. и вступ. ст. Н. Ермолаевой // *Вестник русского христианского движения*. 2012. № 200. С. 87–98.

Исследования о творчестве матери Марии

- 17 *Мочульский К.В.* «Монахиня Мария. Стихи» // *Путь*. № 53. С. 86–87.
- 18 *Мочульский К.В.* Воспоминания // *Третий час*. 1946. С. 64–78.
- 19 *Кривошеин И.А.* Мать Мария // *Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции*. 1947. № 47. С. 31–42.
- 20 *Behr-Sigel E.* Priere et saintete dans l'Eglise russe. Paris: Cerf, 1950. 180 p.
- 21 *Терапиано Ю.* Мать Мария // *Встречи*. 1953. С. 143–147.
- 22 *Корн Р.* Никитинские субботники // *Вопросы литературы*. 1964. № 12. С. 237–238.
- 23 *Бердяев Н.* Памяти матери Марии // *Вестник РСХД*. 1965. № 78. С. 21–23.
- 24 *Clement O.* Dans le désert des cœurs // *Contacts*. 1965. № 51. С. 170–177. На русском языке: *Клеман О.* В пустыне сердец / пер. о. Игнатия Крекшина // *Вестник РХД*. 2010. № 196. С. 66–76.
- 25 *Behr-Sigel E.* Pour le 20e anniversaire de la mort de mère Marie // *Contacts*. 1965. № 51. P. 178–193.
- 26 *Hackel S.* One of Great Price: the life of Mother Maria Skobtsova, Martyre of Ravensbruck. L. arton. London: Darton, Longman & Todd, 1965. 136 p.
- 27 *Smith, T. Stratton.* The rebel nun: The moving story of Mather Maria of Paris. London: Souvenir Press, 1965. 252 p.
- 28 *Богат Е.* «Такая живая, такая красивая...» // *Комсомольская правда*. 1965. 5 сентября.
- 29 *Goriely B.* Mère Marie // *Esprit*. 1966. № 7–8. P. 102–114.
- 30 *Gaulle-Anthonioz de G.* Mère Marie // *Voix et visages*. 1966. № 102. P. 1–4.
- 31 *Максимов Д.Е.* Воспоминания о Блоке Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // *Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. IX. Литературоведение*. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 257–264.
- 32 *Кожевникова О.* Собрание памяти русских сопротивленцев // *Русские новости*. 1968. № 1218. С. 7.
- 33 *Величковская Т.* О поэзии матери Марии // *Возрождение*. 1969. № 205. С. 82–89.
- 34 *Hackel S.* «What can we say to God?» The poetry of Mother Maria Skobtsova // *Sobornost*. 1977. № 5. P. 377–385.

- 35 *Богат Е.* История одной любви. Из писем Е. Кузьминой-Караваевой Блоку // Литературная газета. 1977. № 37. С. 6.
- 36 *Алигер М.* Что такое подвиг // День поэзии. М.: Сов. писатель, Ленинградское отделение. 1978. 368 с.
- 37 *Короткевич Г.* Клятва матери Марии // Голос Родины. 1978. № 44. С. 14–15.
- 38 *Шустов А.* Жизнь за людей // Филателия СССР. 1978. № 3. С. 11.
- 39 *Бахрах А.* Парижские черепки. По памяти, по записям: литературные портреты. Париж: La Presse Libre, 1980. С. 120–124.
- 40 *Орлов В.Н.* Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 2. С. 58–75.
- 41 *Микулина Е.* Мать Мария. М.: Современник, 1983. 288 с.
- 42 *Асенин С.* Легендарность документа // Литературная газета. 1983. 9 февр. С. 8.
- 43 *Клепинина-Аржаковская Е.* Новый советский фильм Мать Мария // Вестник РХД. 1983. № 1. С. 236–242.
- 44 *Arjakovsky H.* Une haute figure de la spiritualité orthodoxe vue par le cinéma soviétique // SOP. 1984. № 84. С. 11–13.
- 45 *Богат Е.* Разгадка ДДБ // Литературная газета. 1984. 25 апреля. С. 14.
- 46 *Русские герои французского Сопротивления* // Голос родины. 1985. № 20. С. 12–13.
- 47 *Кайдаш С.Н.* Мать Мария // Наука и Религия. 1986. № 6. С. 42–45.

1989

- 48 *Кайдаш С.Н.* Судьба и вера матери Марии // Театр. 1989. № 5. С. 148–150.
- 49 *Плюханов Б.В.* Мать Мария (Скобцова) // Ученые записки Тартуского университета. Блоковский сб. Памяти Д.Е. Максимова. Тарту, 1989. Вып. 857. Сб. 9. С. 159–177.
- 50 *Будырко М.* Рассказы Анны Ахматовой // Звезда. 1989. № 6. С. 70–87.
- 51 *Тименчик Р.Д.* Заметки о «Поэме без героя» // Поэма без героя: в 5 кн. М.: МПИ, 1989. С. 3–25.
- 52 *Ученова В.В.* «Вы вспомните меня!...» // Царицы муз: русские поэтессы XIX–XX вв. М.: Современник, 1989. 447 с.
- 53 *Behr-Sigel E.* Mère Marie Scotbsov // Le Messenger Orthodoxe. 1989. № 111. P. 56–72.

1990 – 2016

- 54 *Куценко И.Я.* Кубанская «тайна» матери Марии // Вольная Кубань. 1991. 7 ноября. С. 6.
- 55 *Ольшанская Е.* «Главный час»: фрагменты из поэмы (памяти Е.Ю. Кузьминой-Караваевой) // *Ольшанская Е.* Сиреневый час. Киев: Рад. письменник, 1991. С. 87–88.

- 56 Гаккель С., *свящ.* Мать Мария. Париж: Имка Пресс, 1992. 332 с.
- 57 Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина // Подъем. 1992. № 1. С. 107–110.
- 58 Яновский В.С. Поля елисейские. Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 278 с.
- 59 Крейд В. Воспоминания о Серебряном веке. М.: Республика, 1993. 559 с.
- 60 Жирмунская Т. Поэма // Жирмунская Т. Праздник. Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1993. 101 с.
- 61 Емельянова Т. Типология жанра мистерии (на примере английской и русской драматургии, A Sleep of Prisoners Christopher Fry и Солдаты матери Марии (Скобцовой)) // Актуальные проблемы филологии. М., 1994. С. 47–52.
- 62 Савкина И. Образ Богоматери. Проблема идеально-женского в русской поэзии XX века // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII — нач. XX в. Wilhelmshorst: Cofpert, 1995. С. 155–168.
- 63 Шустов А.Н. «Хотя бы скромный камень...» // С.-Петербургские ведомости. 1995. 11 марта.
- 64 Толмачев В.М. В ожидании возвращения // Мочульский К.В. Гоголь, Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 565–573.
- 65 Шустов А.Н. «Господнее лето» // Русская речь. 1996. № 6. С. 95–103.
- 66 Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина. СПб.: Logos, 1996. 544 с.
- 67 Яковлева Л. Идея соборности в творчестве матери Марии // Русская филология. 7: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 1996. С. 197–207.
- 68 Кайдаш С.Н. Лучше семи сыновей. Рождение религиозного поэта // Учительская газета. 1997. 28 янв.
- 69 Емельянова Т. Жанр средневековой мистерии: О творчестве матери Марии (Скобцовой) // Страницы. 1997. № 4. С. 586–595.
- 70 Крахмальникова З. Русская идея матери Марии. Germany: Стефанус, 1997. 94 с.
- 71 Шустов А.Н. Встреча судеб. Е.Ю. и Г. Кузьмины-Караваевы и А.Н. Толстой // Филологические записки. 1997. Вып. 9. С. 212–222.
- 72 Клепинина-Аржаковская Е. В поисках последней вышивки // Русская мысль. 1998. 9 июля. С. 20.
- 73 Асмус В., *прот.* «Пророческий голос» Никиты Струве и мать Мария (Скобцова) // Радонеж. 1998. № 17. С. 2–3.
- 74 Струве Н. Мать Мария в оценке прот. В. Асмуса [по поводу ст. В. Асмуса в газете «Радонеж»] // Вестник РХД. 1998. № 3–4 (178). С. 263–266.
- 75 Богомолов Н. Русская литература первой трети XX в. Томск: Водолей, 1999. 640 с.
- 76 Белодуров Г. Письмо Феофилу от 7 апреля 1999 г. URL: <http://pravbeseda.ru/archive/arc2/1204.html> (дата обращения: 20.06.2017).
- 77 Шустов А.Н. Огненная крылатость поэзии матери Марии // Русская речь. 1999. № 6. С. 32–34.

- 78 *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева и А.Н. Толстой: контакты // *Russian Literature*. 2000. V. 48. № 4. С. 425–456.
- 79 *Лемякина З.Н.* Было и есть: исторические мотивы в поэзии Кузьминой-Караваевой // *Горгиппийский сборник*. Анапа, 2000. С. 81–91.
- 80 *Лемякина З.Н.* «Постижение Синего Ока» // *Истина и жизнь*. 2000. № 4. С. 39–42.
- 81 *Шмаина-Великанова А.И.* Внехрамовая литургия матери Марии // *Вестник РХД*. 2000. № 181. С. 30–46.
- 82 *Varaut L.* *Mère Marie: 1989–1945: Saint-Pétersbourg – Paris – Ravensbrück*. Paris: Perrin, 2000. 169 p.
- 83 Заседания лиги православной культуры // *Братство Святой Софии*. Материалы и документы 1923–1939. М.; Париж: Имка Пресс – Русский Путь, 2000. С. 155–165.
- 84 *Агеева Л.И.* Рабиндранат Тагор и Елизавета Кузьмина-Караваева // *Мать Мария: Жизнь. Творчество. Судьба: Тезисы международной конференции (Санкт-Петербург, 29 марта – 1 апреля 2000)*. СПб.: Серебряный век, 2000. С. 36–39.
- 85 *Емельянова Т.* Немецкий курорт Бад-Наугейм в восприятии А.А. Блока и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // *Вестник РХД*, 2000. № 181. С. 186–202.
- 86 *Емельянова Т.В.* Постановка мистерии «Семь чаш» матери Марии // *Вестник РХД*. 2001. № 181. С. 342–348.
- 87 *Беневиц Г.И.* Синтез религии, философии и культуры в жизни и творчестве Кузьминой-Караваевой: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2001. 221 с.
- 88 *Беневиц Г.* Пути русской софиологии от Фонвизина до матери Марии // *Философский век*. Альманах. Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. Материалы международной конференции «История идей как методология гуманитарных исследований» (С.-Петербург, 27–30 сентября 2001 г.). СПб.: С.-Петербургский Центр Истории Идей, 2001. С. 232–239.
- 89 *Кайдаш С.Н.* Великие женщины России. М.: Права человека, 2001. 527 с.
- 90 Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария): Библиографический указатель произведений и критической литературы / сост. А.Н. Шустов. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция»; Сударыня, 2002. 160 с.
- 91 *Беневиц Г.И.* Мать Мария (1891–1945). Духовная биография и творчество. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2003. 321 с.
- 92 *Нива Ж.* «И до конца мне надо обнищать» // *Мать Мария (Скобцова)*. Красота спасающая: Живопись, графика, вышивка / сост. К.И. Кривошеина. СПб.: Искусство–СПб., 2004. С. 9–12.
- 93 *Victoroff T.* Consonance de deux mystères modernes: «Le Mystère des Saints Innocents» de Péguy et «Les Sept Coupes» de mère Marie (Skobtsoff) // *L'Amitié Charles Péguy*. 2005. № 111. P. 289–300.
- 94 *Victoroff T.* La création inachevée: la poétique sacramentelle du mystère dans les années 1930 (D.S. Sayers, P. Claudel, E. Kouzmina-Karavaeva) // *Revue de Littérature Comparée*. 2005. № 1. P. 51–73.

- 95 *Шмаина-Великанова А.И.* Белая птица. Эсхатологические предпосылки экклезиологического учения прмц. Марии (Скобцовой) // Кифа. 2005. № 11 (37). С. 10–11.
- 96 *Lossky O.* Lourmel, 26 octobre 1936. Mise en scène. URL: <https://web.archive.org/web/20080513123641/http://www.pagesorthodoxes.net/saints/lev-gillet/lourmel-26octobre1936.htm> (дата обращения: 20.06.2017).
- 97 *Dessanti D.* La sainte et l'incroyante (Fayard, 2007). Перевод на русский язык: *Десанти Д.* Неверующая о святой. СПб.: Алетейя, 2011. 230 с.
- 98 *Викторова Т.* Паломничество в Равенсбрюк // Вестник РХД. 2008. № 193. С. 300.
- 99 *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Ин-дрик, 2008. 768 с.
- 100 *Ermolaev N.* Modernism, motherhood and mariology: The poetry and theology of Elizaveta Skobtsova (Mother Maria). Columbia: Columbia University, 2010. 278 p.
- 101 Бунтарка или святая? Возвращение на родину: к 70-летию гибели матери Марии (Скобцовой). Игумен Сергей (Рыбко), прот. Димитрий Карпенко о матери Марии // PRAVMIR.RU. Православие и Мир. 2010. 20 декабря. URL: <http://www.pravmir.ru/buntarka-ili-svyataya/> (дата обращения: 20.06.2017).
- 102 *Victoroff T.* L'art alsacien dans l'oeuvre des Russes émigrés des années 1930 (Elisabeth Skobtsoff, Georges Fedotov, Wladimir Weidlé) // L'Alsace et la Russie. 2011. (La Revue russe, 35). P. 115–124.
- 103 Духовное наследие матери Марии (Скобцовой). Настоящее и будущее церкви: Материалы международной конференции / ред. Л. Крошкина. М.: СФИ, 2011. 73 с.
- 104 *Копировский А.М.* «Аскетика эстетизма» в поэзии м. Марии // Духовное наследие матери Марии (Скобцовой). Настоящее и будущее церкви: Материалы международной конференции / ред. Л. Крошкина. М.: СФИ, 2011. С. 52–73.
- 105 *Victoroff T.* «J'entendis une voix qui m'appelait»: le dialogue d'Anna Akhmtova avec les émigrés // Figures de l'émigré russe en France au XIX et XX siècle / С. Krauss et T. Victoroff (dir.). Amsterdam; New York, 2012. P. 477–490.
- 106 *Делоне Е., Воробьев В., прот.* Мать Мария (Скобцова): Горячее сердце // PRAVMIR.RU. Православие и Мир. 2012. 31 марта. URL: <http://www.pravmir.ru/buntarka-ili-svyataya> (дата обращения: 20.06.2017).
- 107 *Ойцевич Г.* О следственной филологии или тайна смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой — дочери св. Марии (Скобцовой) // PRAVMIR.RU. Православие и Мир. 2012. 14 сентября. URL: <http://www.pravmir.ru/o-sledstvennoj-filologii-ili-tajna-smerti-gayanu-kuzminoj-karavaevoy-docheri-sv-marii-skobcовой/> (дата обращения: 20.06.2017).
- 108 *Медведев А.А.* «Дар свободы»: христианский гуманизм в творчестве матери Марии // Literature in Exile. Emigrants' Fiction (20th century experience). VII International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism. Proceedings. Tbilisi: Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature Press, 2013. Vol. I. P. 153–169.

- 109 *Медведев А.А.* Россия Ксеркса или Христа? Русский мессианизм в рефлексии русской эмиграции 1928–1933 г. // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 44. С. 268–285.
- 110 *Ликвинцева Н.* Литературное объединение «Круг»: Попытка диалога «отцов» и «детей» // *Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции. Сборник статей под ред. А. Данилевского, С. Доценко и Ф. Полякова. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2016. 356 с. (Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe / ed. by Fedor B. Poljakov (Vienna). Vol. 13). С. 117–124.*